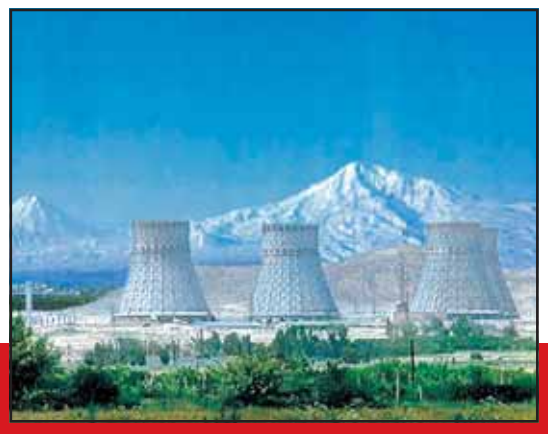
Выдержит ли землетрясение армянская АЭС?

▶ 6



ГРУППА ИЗДАНИЙ «СОБЕСЕДНИК»

Собеседник Армении

Հայաստանի ՀՐՈՒՅՑԱԿԻՑ

№ 2 (2)
апрель 2011 г.

www.sobesednik-arm.ru

▶ 11 БИТВА НА ЯЙЦАХ

▶ 12 МАТЧ РОССИЯ-АРМЕНИЯ. ПОСЛЕСЛОВИЕ

▶ 18 ГУРЧЕНКО ПРЕКРАСНАЯ И НЕВЫНОСИМАЯ

▶ 21 ГАЛУСТЯН СМЕНИЛ ФАМИЛИЮ

Игорь САРУХАНОВ: Жизнь на две пятерки

▶ 16–17

ISSN 2222-0488

ПОДПИШИСЬ И ПОЛУЧИ ПОДАРОК!

Подписка принимается в почтовых отделениях на всей территории РФ по каталогу «Почта России», подписной индекс 12248

В конце марта не стало Людмилы Марковны Гурченко. В любом фильме, в любой роли, у любого режиссера она, словно вспышка — неизменно яркая, приковывающая внимание. Если нужно — пела, если требовали — танцевала, соглашалась играть даже без грима. Своими воспоминаниями об этой талантливейшей актрисе, изложенными в его книге «С миру по нитке», поделился режиссер, сценарист Анатолий Эйрамджан, снявший Людмилу Гурченко в своем фильме «Моя морячка».

Анатолий ЭЙРАМДЖАН: О Гурченко мне говорили —

В главной мужской роли в «Морячке» я (после «Бабника») видел только Михаила Державина, и, как показал результат, в выборе я не ошибся. Оставался вопрос — кто героиня? Я всегда думал, что в этой роли должна сниматься Ирина Муравьева, и сразу поехал к ней, захватив заявку. Мы сидели на кухне — я, Ира и ее муж Леня Эйдлин, мой хороший приятель и одновременно идейный противник: все мои фильмы ему не нравятся, а в «Бабнике» он разрешил Ире сняться только потому, что ему нужны были, оказывается, деньги на новый карданный вал для его «Жигулей».

Сейчас, очевидно, с машиной у него было все в порядке, и потому, когда я закончил читать заявку, он сказал:

— По заявке мы ничего не можем сказать — ни да, ни нет. Вдруг ты в сценарии какие-нибудь постельные сцены введешь или что-то не подходящее для Иры. Напиши сценарий, поговорим.

— Сценарий я должен писать, имея ваше согласие, — сказал я. — Потому что уже через полмесяца у нас начнутся в Коктебеле съемки...

— Через полмесяца съемки, а у тебя нет сценария! — усмехнулся Леня. — И к тому же мы с детьми едем через неделю в Прибалтику.

Никакие мои доводы и уговоры на Леню не подействовали. Он был непреклонен.

Ну, так вот, Муравьева отпала. А неудачи, как я заметил, только усиливают мой наступательный порыв. Я мысленно перебирал всех актрис, способных сыграть роль в музыкальном (так я видел свой замысел) фильме, и все время мои мысли возвращались к Людмиле Гурченко. Должен сказать, что я не был ее поклонником. Даже в период ее наивысшей популярности, когда появилась «Карнавальная ночь» (картина мне до сих пор очень нравится), все говорили о ее осиной талии и многие мои знакомые в институте были в нее чуть ли не влюблены, я оставался равнодушным: картина хорошая, но актриса мне не нравилась, то есть это был, как теперь говорят, не мой стайл и, кроме того, мне виделся в ней какой-то этический изъян, а какой, толком разобраться я тогда не мог. Но с годами я вдруг заметил, что мне нравятся песни военных лет в исполнении Гурченко, а тембр ее голоса в драматических фильмах иногда задевает какую-то скрытую мою струну, вызывает резонанс. А уж ее роль в фильме «Уходя, уходи» покорила меня и примирила с ней.

С годами я вдруг заметил, что мне нравятся песни военных лет в исполнении Гурченко, а тембр ее голоса в драматических фильмах иногда задевает какую-то скрытую мою струну, вызывает резонанс.

Гурченко я видел часто в буфете Театра киноактера, где располагались наши курсы, и раз мы даже разговорились с ней в очереди к буфетной стойке. Накануне в Телевизионном театре миниатюр показали инсценировку моего рассказа из «Литературки» и там была занята Гурченко. Я не удержался и сказал об этом ей. Она мне ответила: «У вас отличная новелла. Вы можете ею гордиться». Не могу в связи с этим не вспомнить один случай. Как-то

мы шли с Мишей Пташуком по улице Горького. И вдруг навстречу толпа цыган. А Пташук до наших курсов был режиссером в театре «Ромэн». Увидели цыгане Пташука и кинулись к нему:

— Мишка, здравствуй! Как дела? Где ты?

Пташук им все рассказал, а потом представил меня:

— А это мой друг, сценарист Анатолий Тер-Григорьян. (Тогда я еще не имел своего псевдонима и вообще ничего, кроме только что написанного дипломного сценария, не имел.)

Цыгане тут же польщенно заулыбались, изобразили на лице высшую степень радости и почтения и сказали:

— Ну, как же! Знаем, знаем, слышали, слышали!

И на какое-то мгновение я поверил, что все это правда, что они знают меня. Слышали обо мне... Только откуда? Неужели они прочли мой дипломный сценарий?

Все это я вспомнил в связи со словами Гурченко по поводу моей новеллы. Ясно было, что это она сказала из вежливости, а когда через много лет мы встретились на «Морячке» я спросил ее, помнит ли она тот наш разговор. К моему удивлению, она помнила. «Я ведь тебе сказала тогда — у тебя отличная новелла!» — сказала так, как будто это было не 20 лет назад, а вчера.

И вот я позвонил Гурченко, представился. Гурченко сказала мне что-то вроде «знаем, знаем, слышали, слышали», но сейчас я это не подверг сомнению, так как за моими плечами уже было несколько фильмов как у сценариста и два фильма (один, правда, незаконченный — «Бабник», но о котором уже писали в прессе) как у режиссера. И потому я без лишних слов сразу же предложил Гурченко главную роль в фильме «Моя морячка», съемки которого планировались через две недели в Коктебеле. Гурченко ответила, что на днях она должна закончить озвучание своего последнего фильма и после этого собирается поехать отдохнуть, так как очень устала. Но сценарий может прочитать.

— Сценария у меня нет, только заявка, — сказал я.

— Как же вы собираетесь снимать через две недели? — Гурченко решила, что говорит с сумасшедшим.

— Сценарий готов у меня в голове. Хотите, расскажу? В двух словах, — попросил я.

— Рассказывайте, — разрешила Гурченко.

Я сбивчиво, торопясь, рассказал ей сюжет: ее героиня, массовик-затейник в парке, проводит конкурс «Где вы, таланты?» и вот на этот конкурс повадился ходить к ней один тип, который поет одну и ту же песню про морячку и хочет во что бы то ни стало получить главный приз. Рассказал все это одним духом и замолчал, сжавшись, как в детстве, когда запустил случайно мяч в соседское окно. Молчание длилось недолго.

— Пишите сценарий, Толя, — услышал я потеплевший голос Гурченко. — Я отменю свой отпуск, закончу пораньше озвучание и буду сниматься в вашем фильме. Мои папа и мама были массовиками-затейниками.

Вот так судьба, проведя меня мимо Лени Эйдлина с его, пока исправными, «Жигулями», не дав мне позвонить паре-тройке актрис (в которых я не очень-то был уверен, но внес все же в список претенденток на эту роль), вывела меня на нужную цель, и, как мне кажется, очень удачную.

Гурченко привнесла очень многое в картину, начиная с бубна своей мамы, разнообразных шикарных нарядов (Паша Каплевич, как зелез в ее платяной шкаф, так и остался там на несколько часов, с трудом его вытащили оттуда, обалдевшего от всего увиденного), неожиданных придумок и кончая неизвестными мне детскими играми, вроде «Кто из вас не ходит хмурым, любит спорт и физкультуру? Это я, это я, это все мои друзья!» Кроме того, как-то находясь у нее дома, я услышал песню, которую прослушивал на магнитофоне Костя Купервейс, ее муж, аккомпаниатор и композитор в одном лице.

— Что это за песня? — спросил я.

— Это Люсина песня, она ее сочинила, — сказал Костя.

— А есть еще? — спросил я.

— Сколько хочешь! — улыбнулся Костя и дал мне прослушать несколько песен.

Мы собирались пригласить на картину Раймонда Паулса, но, услышав эти песни — «Се ту, се ту», «Старушка — божий одуванчик», «Я думала, что главное», «Я боюсь утечки газа» и др., — я понял, что композитор у нас есть. Гурченко вместе с Костей сделали всю музыку к фильму, даже песню «Моя морячка» Гурченко чуть переделала, а стихи к песне, особенно второй и третий куплет, они сочиняли вместе с Державиным. Я попросил Костю саранжировать для сцены репетиции в театре «Мою морячку» под Рей Коннифа, и они с Гурченко прекрасно сделали эту стилизацию, а вместо хора Рея Коннифа пела группа «Доктор Ватсон» — получился чистый Рей Конниф.

У нее скверный характер, она тебя до инфаркта доведет

Мои друзья и знакомые, зная, что я выбрал на главную роль Гурченко, выражали мне свои опасения: у нее, мол, скверный характер, она тебя до инфаркта доведет, не слышал, что она сделала с Тодоровским? И так далее. А один актер, в прошлом, говорят, любовник Гурченко, выезжая из ворот «Мосфильма» на своей машине, прокричал мне:

— Толь, не бери Люську! Она тебя доведет до точки, ты ее ударишь, она побежит к прокурору, отдастся ему, и тебя посадят!

Крикнул он это все и уехал.

Вот с такими печальными прогнозами я приступил к работе над фильмом.

Но Гурченко, вопреки грозным предсказаниям, вела себя, как ягненок: подлаживалась под непривычный для нее скоростной процесс съемок (и я должен сказать, успешно), контактировала со всеми членами группы, подружилась даже с нашим продюсером Сержем Аллахвердовым (но даже ей он не выдавал деньги вечером, зато утром сам привозил к ней домой — он ее уважал), выполняла безропотно все мои указания и замечания, короче, мы все не могли нарадоваться на нее.

Я часто вспоминаю один случай: неугомонный Каплевич решил, что одну из песен Гурченко должна петь, находясь на вершине горы. Гурченко эта идея понравилась. Они стали искать подходящую гору в окрестностях Коктебеля и Каплевич наконец нашел то, что искал. Мы поехали посмотреть. Гора оказалась скалой, напоминающей сахарную голову — на самой макушке была небольшая площадка, куда Каплевич решил поставить стул, который он и захватил с собой, чтоб сразу всем стало ясно, какая получится картинка. Скала при первом взгляде на нее казалась неприступной, но оказалось, что за ней была еще одна скала, с которой при желании можно было переползти на эту скалу. Высота скалы была метров 70, не меньше. Я тут же, у подножья, стал говорить, что мы не альпинисты, что эффект скалы мы можем получить безопасным способом и т.д., но воодушевленная Каплевичем Люся не хотела и слушать меня.

— Эта скала — то, что надо! Получится прекрасный кадр...

И несмотря на мои протесты, все (Гурченко, Каплевич, Костя Купервейс и оператор Вадим Алисов) полезли на скалу.

Мне пришлось карабкаться вслед за ними. Я лез на скалу и продолжал их уговаривать, ссылаясь на то, что в прошлом я работал в институте техники безопасности и знаю, какие бывают несчастные случаи в ситуации, когда ничего опасного вроде и нет... А здесь опасность налицо... На этой площадке с трудом можно будет установить стул на все четыре ножки, а как Люся сможет сидеть на нем и петь, когда любое неосторожное движение — и нет Людмилы Марковны Гурченко... Смысл моих уговоров все, кроме Люси, поняли тогда, когда добрались до этой вершины.

На крохотную неровную площадку Каплевич, находясь в лежащем состоянии, с трудом установил стул, на который должна была сесть Гурченко. Рядом с ним ползали оператор Вадик Алисов и муж Гурченко Костя Купервейс. Костя пытался держать вторую ножку стула. Совершенно спокойно взошла на эту площадку и с интересом озирала самолетные дали одна только Людмила Гурченко. У меня сохранились две фотографии, запечатлевшие финал этого процесса.

Только когда к моим крикам присоединился и оператор Алисов, который сказал, что здесь негде поставить камеру и потому съемка невозможна, Люся царски сошла со скалы, а Костя и Паша сползли вслед за ней. Вот такая храбрая до безумства оказалась Гурченко.

И еще не могу не вспомнить один опасный эпизод во время съемок: мы снимали в цирке на Цветном бульваре песню к началу фильма. Люся с балетмейстером разучивала па, находясь посреди арены. И вдруг откуда-то сверху раздался крик:

— Ап! Ап!

Никто на этот крик не обратил внимания, а это «ап» на цирковом языке означает что-то вроде «внимание», «приготовились», а также и предупреждение об опасности. Через секунду после этого крика в 10 сантиметрах от Гурченко упал, пролетев расстояние от самого купола, довольно увесистый мешок с песком и взорвался, как бомба. У меня сохранилась видеосъемка этого происшествия. Если бы балетмейстер крутанул в этот момент свою партнершу в другую сторону —Гурченко попала бы под мешок. (...)

Мы закончили съемки в Коктебеле за 8 дней. Потом еще два дня снимали в цирке на Цветном бульваре.

И все же один конфликт у нас с Гурченко произошел. Уже в самом конце съемок, когда остался один съемочный день.

Люся хотела, чтобы в фильме полностью звучали все четыре ее песни, а я с самого начала предупредил, что две песни будут полностью, в начале и конце фильма, а остальные две фрагментарно, так как в середине картины тормозить сюжет 3—4-минутной песней нельзя, у нас ведь не фильм-концерт, а художественный фильм и у него есть свои законы, особенно драматургические, ломать которые очень опасно. Гурченко вроде согласилась тогда со мной, а перед заключительной съемкой вдруг опять заявила, что в фильме должны быть все четыре песни полностью. Я опять стал ей объяснять свою позицию, но она и слушать меня не хотела, обиделась и отказалась от последней досъемки в павильоне «Мосфильма».

Тем не менее я ей сказал:

— Когда передумаешь — звони. Мы ждем.

Проходит неделя, вторая, третья — не звонит. Вначале четвертой я поехал к Аллахвердову и начал с ним издалека разговор.

— Серж, — сказал я, — «Бабник» многократно возвратил вложенные тобой в этот фильм деньги. Ты согласен, что «Морячка» тоже должна продаваться не хуже «Бабника»?

— Согласен, — сказал Серж. — Тем более с Гурченко...

— В том-то и дело, что с ней у нас может фильма вообще не

Толь, не бери Люську! Она тебя доведет до точки, ты ее ударишь, она побежит к прокурору, и тебя посадят.

быть. Ждем уже три недели, а можем прождать и год...

— Что ты предлагаешь? — спросил Сергей.

А я уже принял твердое решение и говорю ему:

— Надо заново снимать этот фильм с другой актрисой. Всего каких-нибудь 10 дней и 200 000 рублей. Зато все будет прогнозируемо. Думаю, я на этот раз уговорю Муравьеву. Фильм с ней будет смешнее и добрее...

Короче, я убедил Сергея. И как только эта ноша ожидания звонка Гурченко спала с моей души, она мне тут же позвонила. Я уверен, что телепатически она приняла от меня сигнал и поняла, что может проиграть. И как потом сказал мне Костя — это впервые было с ней, что она пошла на попятный.

Она позвонила и спрашивает:

— Толя, чего мы ждем, почему не снимаем?

Я говорю:

— Ждем твоего звонка.

— Ну, вот я позвонила.

— Значит, завтра снимаем, — сказал я.

Когда потом мы были с «Морячкой» на фестивале в Тольятти и сидели вместе со зрителями в зале, слушали, как зал воспринимает картину, Люся мне сказала:

— Да, песня здесь затормозила бы сюжет, ты прав.

То же самое она написала мне на своей книжке «Аплодисменты» — «Толе на память. Ты был прав». Что-то в этом роде. Искренне она признала свою неправоту или нет, я не знаю.

Наша картина имела успех у зрителей, и Гурченко была номинирована на «Нику» за исполнение главной роли в фильме «Моя морячка» На церемонию она не пришла:

— Бессмысленно, не дадут мне приз. Вот увидишь.

И она оказалась права — приз дали Чуриковой (не помню, за какой фильм).

■ Элен МУСАЕЛЯН